

другу как в количественном (преобладание мужского начала), так и в качественном плане (положительная и отрицательная оценка). Из чего следует, что мужчина предстает в культуре более социально активным человеком, который может заниматься любыми видами деятельности и оказывается достаточно свободным в проявлении своих личностных свойств и намерений.

Литература

1. Астафьев, В.П. Собрание сочинений: в 15 т. / В.П. Астафьев. – Красноярск: ПИК «Офсет», 1997. – Т 9: Произведения 1980-х годов. Печальный детектив: роман. Рассказы. – 448 с.
2. Астафьев, В.П. Собрание сочинений: в 15 т. / В.П. Астафьев. – Красноярск: ПИК «Офсет», 1997. – Т. 1 : Рассказы. Тают снега: роман. – 608 с.
3. Виноградов, В.В. Русский язык: Грамматическое учение о слове / В.В. Виноградов. – М. - Л., 1972. – 601 с.
4. Маслова, В.А. Внешность женщины в русском языковом сознании: гендерный аспект // Гендерная лингвистика: коллективная монография. – Павлодар, 2013. – С. 130-146

С.А. Янковская (Гродненский государственный университет имени Я. Купалы)

NOMINA LOCI С ЧАСТНЫМ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ 'ТАМ, ГДЕ НАХОДИТСЯ (НАХОДИЛОСЬ) ТО, ЧТО НАЗВАНО ПРОИЗВОДЯЩЕЙ ОСНОВОЙ' В РУССКИХ НАРОДНЫХ ГОВОРАХ

Пространство и время – важнейшие концепты культуры, интерпретируемые как «система координат», при помощи которых люди, принадлежащие к различным культурам, воспринимают мир и воссоздают его. В исследовании этих концептов выделяется ряд подходов: философский, математический, физический, культурологический, лингвистический и др.

Большое количество работ, посвященных изучению функционально-семантического поля локативности, приводит к появлению множества аспектов его изучения. Так, например, все типы пространственных значений, выражающихся в языке с помощью лексико-грамматических средств, А.Т. Додуева разбивает на две основные группы: «а) с общим значением направления действия-движения в пространстве и б) с общим значением местоположения предмета или распространения действия-движения в определенной точке пространства» [2, с. 9].

Изучением пространственных отношения занималась и Г.В. Белякова. Среди частных словообразовательных значений локативных субстантивов в современном русском литературном языке она отметила значение *'там, где находится (находилось) то, что названо производящей основой'* (амбарище 'место, где раньше был амбар', булавочник 'коробочка или подушечка для хранения булавок') [1, с. 53-54], которое широко представлено и в языке русских народных говоров.

В диалектном словообразовании наблюдается семантическое расхождение единиц в отношении к современному русскому литературному языку. К примеру, производная единица с семантикой локативности в современном русском литературном языке в русских народных говорах может иметь и другое значение и к числу локативов не относиться. Сравните, например, локатив современного русского литературного языка *больница* 'Учреждение, в которое помещают больных для лечения' [6] и тождественную по внешней структуре номинацию *больница* в диалектном словообразовании, внутреннее содержание которой не выражает семантику локативности (*больница* 'Кольцо, которое продевают сквозь губу медведя для прикрепления цепи'. Нижегород. [5, т. 3, с. 86]).

Эта же особенность характерна и для других единиц русских народных говоров, сравните: локатив СРЛЯ *задачник* 'Сборник задач' [4] и идентичную по внешней форме единицу в русских народных говорах *задачник* 'О том, что удалось, задалось, хорошо,

успешно получилось'. Влад. [5, т. 10, с. 44]; *кладовая* 'Помещение для хранения продуктов питания, а также для товаров, сырья, различных материалов и т. п.' || *перен.; чего или какая*. 'Средоточие каких-л. скрытых богатств, ценностей' [6] и *кладовая* 'Посев озимых, работа связанная с посевом озимых'. Костром. [5, т. 13, с. 258]; *молитвенник* 'Книга, содержащая собрание молитв' (в 1-ом значении) [6] и *молитвенник* 'Пирог без начинки; лепешка без приправы'. Краснояр., Свердлов. [5, т. 18, с. 218].

Кроме того, возможно и обратное явление, когда производная единица, не являющаяся локативом в современном русском литературном языке, способна представить данное значение в русских народных говорах. Сравните имеющую общее распространение на всей территории России суффиксальную производную единицу *масленица* 'Языческий многодневный праздник проводов зимы у древних славян и других народов, приуроченный христианской церковью к неделе перед так называемым великим постом и отмечаемый печением блинов и различными увеселениями' [6]. В диалектах идентичная по внешней форме производная единица относится к числу *nomina loci*: 1. *Масленица* 'Посуда для масла, маслёнка'. Бурят. Ср.Урал. [5, т. 17, с. 383].

Особенностью диалектного словообразования является отсутствие некоторых производных и непроизводных *nomina loci* СРЛЯ (в целом ряде случаев вполне объяснимое) в русских народных говорах. Так, например, в современном русском литературном языке хорошо известны такие субстантивы с локативной семантикой, как *багажник* 'Приспособление у велосипеда, мотоцикла, автомобиля для перевозки мелких вещей, поклажи' [6]; *галошница* 'Шкафчик или полочка для галош, уличной обуви' [4]; *гараж* 'Помещение для стоянки и ремонта автотранспорта' [6]; *гардероб* 1. 'Шкаф для одежды', 2. 'Помещение в общественном здании, предназначенное для хранения верхней одежды; раздевальня' [6]; *душевая* 'Помещение, где находится душ, души' [4]; *монетница* 'Коробка, род кошелька с отделениями для монет различного достоинства' [6]; *песенник* 'Сборник песен' (в 3-ем значении) [6]; *письмовник* 1. 'Сборник образцов для составления писем разного содержания', 2. 'Старинная книга для самообразования по языку и литературе' [6]; *плевательница* 'Сосуд, в который сплевывают слюну, мокроту' [6]; *покойницкая* 'Здание, помещение для покойников при больнице; морг' [6]. Совершенно очевидно, что некоторые заимствования и общеупотребительные слова Словарь русских народных говоров может не отражать.

В русских народных говорах некоторые номинации обладают большим словообразовательным потенциалом. Так, если в современном русском языке, по данным Словообразовательного словаря А.Н. Тихонова, от номинаций *гроб*, *игла*, *могила* возможно образование только одного локатива: *гроб* – *гробница* [7, т. 1, с. 256], *игла* – *игольник* [7, т. 1, с. 381], *могила* – *могильник* [7, т. 1, с. 616], то в диалектах число производных локативных субстантивов может существенно возрастать. В частности, Словарь русских народных говоров расширяет словообразовательное гнездо номинаций *гроб*, *игла*, *могила* за счет новых единиц *гробовище* и *гробня* [5, т. 7, с. 147]; *игольня* и *игольняк* [5, т. 12, с. 64]; *могильница* и *могильняг* (*могильняк* и *могильняк*) [5, т. 18, с. 191 – 192], являющихся локативами и отсутствующих в современном русском литературном языке:

Сравните также увеличение количества производных *nomina loci* в русских народных говорах от производящей единицы *пепел*. В современном русском языке отмечены лишь два локатива: *пепельница* и *пепелище*.

Пепельница 'Тарелочка, какой-л. сосуд для окурков и стряхиваемого при курении пепла' [6] и *пепелище* 1. 'Место пожара; пожарище'. 2. *с определением*. *Устар.* и *высок.* 'Родной очаг, отчий дом' [6].

В говорах отмечены следующие производные локативы: *пепелиха*, *пепелуха*, *пепельник* (*пепельник*).

Пепелиха ‘Мешок для золы; мешочек с золой для получения щелока’. Новг. Прионеж. (в 1-ом значении) [5, т. 25, с. 349];

1. *Пепелуха* 1. ‘То же, что пепелиха’ (в 1-ом знач.). КАССР. 2. ‘Выжженное в лесу место для пашни’. КАССР // ‘Покос в лесу на месте выжженного леса’. КАССР [5, т. 25, с. 349];

Пепельник и *пепельник* 1. Пепельник. ‘Место на шестке русской печи, куда сбрасывается зола, загнетка’. Ряз., 2. Пепельник. ‘То же, что пепелиха’ (в 1-ом знач.). Олон., 4. Пепельник. ‘Место под колосниками топки, куда падает зола’. Ряз. 5. ‘Торговец золой’. [5, т. 25, с. 349].

Причем производные локативные субстантивы, зафиксированные в диалектах, в толковании лексического значения порой не содержат мотивирующей единицы, например: *гробня* ‘Провал в земле, пещера’. Арх., Даль. [5, т. 7, с. 147]. Производная номинация *гробня* в диалектном словообразовании является локативом как результат семантической деривации: отмечаемое значение, никак не связано с семантикой «месторасположения гроба».

В современном русском литературном языке возможно семантическое наложение производных единиц. Так, например, производные суффиксальные субстантивы *каретник*, *молитвенник*, *песенник* в современном русском литературном языке совмещают семантику лица со значением локативности. Сравните:

каретник *Устар.* 1. ‘Мастер, делающий кареты, экипажи’, 2. ‘Сарай для карет и других экипажей’ [6];

молитвенник 1. ‘Книга, содержащая собрание молитв’, 2. *Устар.* ‘Тот, кто усердно молится богу за себя и за других’ [6];

песенник 1. ‘Исполнитель песен’. || *Разг.* ‘Тот, кто умеет и любит петь’, 2. ‘Автор текста песен или композитор песенной музыки’, 3. ‘Сборник песен’ [6]. Правда, в первых двух случаях одно из значений уже является устаревшим.

В русских народных говорах достаточно частым является «разведение» семы лица и локативной семантики по разным производным номинациям. Так, например, в СРЛЯ производный суффиксальный субстантив *конфетница* принадлежит к числу *potina loci*: *конфетница* ‘Посуда для конфет’ [6]. В русских народных говорах же идентичная суффиксальная производная единица *конфетница* служит для выражения семы лица: *конфетница* 1. ‘Женск. к конфетник’. Новг., Пск., Ленингр. (в 1-ом значении) [5, т. 14, с. 272]; *конфетник* ‘Любитель конфет’. Перм. [5, т. 14, с. 272].

По характеру словообразовательных средств можно выделить следующие диалектные *potina loci* с частным словообразовательным значением ‘там, где находится (находилось) то, что названо производящей основой’:

на *-ниц-* (*-ениц-*): *гробница*, *могильница* (во 2-ом значении), *мельница* (в 1-ом значении), *пепельница* и *пепельница* (в 1-ом значении), *перечница*; *масленица*;

на *-иц-* (*-овиц-*): *пепелище* (в 2, 4, 5 значениях); *гробовище*, *кладовище*;

на *-н’-*: *гробня*, *игольня*;

на *-ник-* (*-еник-*): *игольник* (в 4-ом значении), *каретник*, 1. *могильник* (в 3-6 значениях), *пепельник* и *пепельник* (в 1, 2, 4 значениях); *масленик* и *масленник* (в 1-4 значениях);

на *-янк-*: *иголянка*;

на *-к-*: *кладовка* (от *кладовая*);

на *-ов-*: *кладово* (от *клад*);

на *-ух-*: *кладуха* (в 3-ем значении), *пепелуха* (в 1 и 2 значениях);

на *-их-*: *пепелиха* (в 1-ом значении);

на *-ец-*: *ларец*;

на *-ён-*: *маслёна*;

на *-ищ-*: могилище (в 1 и 2 значениях);

на *-няг-* (*-няк-*): могильняг и могильняк (в 1 и 2 значениях).

Изучение проблем диалектного словообразования специфично в том отношении, что оно тесно связано с особенностями диалектной системы языка. В современной диалектологической науке определен ряд специфических особенностей, характеризующих систему, которые в той или иной мере свойственны диалектам многих языков.

Система как совокупность взаимосвязанных, взаимопроникающих элементов языка свойственна как языку в целом, так и его диалектам, говорам, которые существуют как части целого на общенародной основе. В то же время диалектные явления, взятые отдельно от общенародной основы, не могут быть особой системой. «Частные диалектные системы» противопоставляются друг другу и литературному языку, но не на общенародной основе [3, с. 5].

Система любого современного говора отличается сложностью. Она состоит не только из частных, т.е. диалектных черт, но и преобладающих общих черт. Благодаря этим чертам в структуре говоров они входят в состав общенародного языка. Частные черты обуславливают специфику различных говоров. Структура каждого говора представляет собой переплетение черт общей системы и частных систем с преобладанием первых [3, с. 5].

Литература

1. Белякова, Г.В. Словообразовательная категория суффиксальных локативных существительных в современном русском языке [Текст]: монография / Г.В. Белякова. – Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2007. – 170 с.
2. Додуева, А.Т. Категория пространственности и ее репрезентация в карачаево-балкарском языке: автореф. дис. ...докт. филолог. наук: 10.02.02 / А.Т. Додуева; Кабардино-Балкарский гос. ун-т им. Х.М.Бербекова. – Нальчик, 2008. – 41 с.
3. Калиев, Г. Диалектное словообразование в казахских говорах: автореф. дис. ...докт. филолог. наук: 10.02.06 / Г. Калиев; Казахский педагогический институт им. Абая. – Алма-Ата, 1989. – 44 с.
4. Ожегов, С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов; под ред. Н. Ю. Шведовой. – 20-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1988. – 748 [2] с.
5. Словарь русских народных говоров: в 41 т. – М. – Л.: Изд-во «Наука», 1965. – Т. 1-41
6. Словарь русского языка: в 4 т. / АН СССР; Ин-т рус. яз.; под ред. А. П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Рус. яз., 1981–1984.
7. Тихонов, А.Н. Словообразовательный словарь: в 2 т. / А.Н. Тихонов. – М.: Русский язык, 1985. – Т. 1. – 856 с.; – Т. 2. – 887 с.